ниже: 19,4—5, прим. 84; Ep. ad Luc. 115,3; M. Aur. II 5,1). Мудрец Сенеки ориентирован не просто на знание добра и зла, но и на действие: философия учит *делать* (Ep. ad Luc. 20,2; 55,5; 94,45). За силлогизмами и «парадоксами» «диалога» скрывается поэтому обещание научить такой жизни, которая наиболее достойна благородного римлянина. Этим, быть может, и объясняется достаточно оптимистический тон заключительных слов трактата, написанного, по всей вероятности, в то время, когда Сенека еще не оставил государственные дела.

Остается добавить, что Сенека далеко не всегда легок для перевода. Тем большего признания заслуживает переводчик, которому в целом удалось передать и дух, и букву текста. Перевод выполнен Л. А. Чернышевой по изд.: *Sénèque.* Dialogues. T. 4. Texte établi et traduit par R. Waltz. 4-me éd., revue et corrigée. P., 1959. P. 36—60 с учетом изданий: *Klei W* L. Annaeus Seneca. Dialogorum liber II. Nec injuriam nec contumeliam accipere sapientem (de constantia sapientis). Inleiding. Tekst. Kommentaar. Zwolle, 1950; *Grimal P.* Sénèque. De constantia sapientis. Commentaire. P., 1953.

Составленные мною примечания ориентированы (если не считать необходимых фактических разъяснений) на философское содержание текста.

# ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА

## К СЕРЕНУ

### [О том, что] мудрец невосприимчив к несправедливости и унижению (о постоянстве мудреца)

1.1. Сказать по правде, Серен, меж стоиками и прочими учителями мудрости [1] существует такая же разница, как между женщинами и мужчинами: хотя и те и другие равно необходимы для совместной жизни [2], но первые предназначены к подчинению, а вторые — к господству. Прочие мудрецы лечат мягко и ласково [3], почти как знакомые, домашние врачи — не так, чтоб получше и поскорей, а так, как позволяет больной [4]. Стоики же избрали суровый путь и заботятся не о том, чтобы он казался нам приятным, а о том, чтобы как можно раньше освободить нас и привести на ту высокую вершину, которая недоступна никаким стрелам и потому возвышается над самой фортуной [5]. 2.— «Но путь, который нам предстоит, крут и тяжел».— А разве достигнешь вершины без усилий, ровной дорогой? Да и не так уж обрывисты эти дороги, как некоторые думают: лишь первая часть пути покрыта скалами и утесами и неприступна на вид; но ведь и наблюдателю многое издалека обычно кажется крутым и не-

проходимым, когда дальность расстояния искажает вид. Однако стоит подойти поближе — и то самое, что поначалу сливалось воедино, обманывая глаз, мало-помалу приобретает истинные очертания, пока, наконец, неприступная издали крутизна не окажется пологим склоном [6].

2.1. Недавно [7], когда зашла речь о Марке Катоне, ты с негодованием (ведь ты не выносишь несправедливости) говорил, что Катон был мало понят своим веком, что он, поднявшийся выше Помпеев и Цезарей, был поставлен ниже Ватиниев [8]; и тебе казалось возмутительным, что с него, когда он собирался опротестовать закон, сорвали на форуме тогу, что руки мятежного сборища тащили его от Ростр до самой Фабиевой арки, и он вынужден был снести и дерзкие речи, и плевки, и все прочие унижения от бешеной толпы [9]. 2. Я ответил тогда, что тобой движет любовь к республике, той самой, которую то Публий Клодий [10], то Ватиний, а то и кто-нибудь похуже продавали и, обуянные корыстью, не понимали, что, торгуя ею, они и себя продают. А относительно самого Катона я просил тебя быть спокойным: не может мудрец претерпеть никакой несправедливости и никакого унижения, и к тому же в Катоне бессмертные боги дали нам более истинный образец мудрого человека, чем в Улиссе и Геркулесе — предшествующим векам. А ведь именно их наши стоики назвали мудрыми, неутомимыми в трудах, презирающими наслаждение и победителями всех страшилищ [11]. 3. Катон не сражался с дикими зверями, преследовать которых — дело охотников и крестьян, не сражался он с чудовищами огнем и мечом, и жить ему выпало не в те времена, когда еще можно было поверить, что небеса покоятся на плечах одного человека, а тогда, когда исчезло уже былое легковерие и пришло время большой осведомленности. Он боролся против козней честолюбия [12], этого многоликого зла, и против безмерной жажды власти, насытить которую не смог весь натрое разделенный мир [13]; он один восстал против пороков вырождающегося общества, под собственным бременем клонящегося к падению, и рушащуюся громаду республики, насколько мог в одиночку удерживать, удерживал до тех пор, пока, наконец, захваченный падением, которому он так долго противостоял, не оказался погребен под ее руинами и вместе с ним не погибло все то, от чего он был неотделим: Катон не пережил свободу, а свобода — Катона. 4. И ему-то, ты думаешь, люди могли причинить несправедливость тем, что отобрали у него претуру [14] или тогу, что священную эту голову покрыли плевками? Надежно защищен мудрец, и недоступен он ни для несправедливости, ни для унижения.

3.1. Мне кажется, твоя душа пылает и клокочет от негодования и ты готов воскликнуть: «Так вот оно, что подрывает авторитет ваших правил! Много вы обещаете такого, чего не только пожелать, а во что и поверить нельзя [15]; и потом, величественно заявляя, что мудрец не бывает бедняком, вы тут же признаете, что у него обычно нет ни раба, ни крыши над головой, ни пищи; отрицая, что мудрец может впасть в безумие, вы не отрицаете, однако,

что ему случается и вне себя быть, и лепетать бессвязные слова, и совершать все, к чему принудит болезнь; вы отрицали, что мудрец бывает рабом, но не отпирались, что и на продажу его выставляют, и приказания он выполняет, и своему господину оказывает рабские услуги [16]. Значит, как ни вознеслось ваше высокомерие, вы опускаетесь столь же низко, как и все прочие, и лишь подменяете имена вещей [17]. 2. Что-то похожее подозреваю я и в том [вашем утверждении], которое на первый взгляд предстает прекрасным и величественным: а именно — что мудрец не может претерпеть несправедливости и унижения. Но ведь большая разница — полагаешь ли ты мудреца свободным от раздражительности или же недоступным несправедливости. Ведь если ты скажешь, что несправедливость он снесет равнодушно, то нет в нем никакой исключительности и обладает он вещью обычной — терпеливостью, которой учит привычка постоянно переносить несправедливости. Если же, по-твоему, он недоступен для несправедливости, то есть ему никто не станет ее причинять,— тогда, отбросив все дела, я становлюсь стоиком». 3. Что ж, верно,— я взялся не украшать мудреца мнимым почетом на словах, а утвердить его в таком месте, куда не проникнет никакая несправедливость.— «Так что же? Неужели никто не станет донимать его, не попробует уязвить?» — Во всем мироздании нет такого священного места, куда святотатство не добралось бы; но божественное не теряет своей высоты только из-за того, что находятся люди, жаждущие низвергнуть величие, вознесенное много выше их и потому им недоступное. Неуязвимо не то, что не подвергается ударам, а то, что не рушится ни под какими ударами: в таком именно смысле хочу я представить тебе мудреца. 4. Неужели можно усомниться, что силы больше в том, что непобедимо, чем в том, что не подвергается ударам? Сомнительны силы неиспытанные, но по заслугам наибольшей признается та прочность, которая отражает все удары. Так знай же, что мудрец обладает лучшей природой как раз потому, что никакая несправедливость ему не вредит, а не потому, что он не претерпевает ее вовсе. Мужественным человеком я назвал бы того, кого не сломят и не испугают ни войны, ни близость врага, но не того, кто предается безмятежному досугу среди праздных людей. 5. Именно в этом смысле мудрецу никакая несправедливость не страшна. И неважно, стало быть, сколько на него сыплется стрел, раз ни одна не может его поразить. Бывают камни тверже железа; адамант [18] нельзя ни расколоть, ни разбить, ни растереть — наоборот, он тупит все, что в него врезается; есть вещи, неподвластные огню,— охваченные пламенем, они сохраняют свою прочность и свой облик; высоко вздымающиеся над поверхностью моря утесы отражают натиск волн, не являя ни малейшего следа тех свирепых ударов, которые падали на них столько веков,— точно так же дух мудреца крепок и исполнен такой силы, что остается столь же неуязвим для нападок, как и все, о чем я сейчас упомянул.

4.1.— «Так значит, не найдется никого, кто дерзнет причи-

нить мудрецу несправедливость?» — Человек дерзнет, а несправедливость не достигнет мудреца. Ведь от низшего он удален на такое расстояние, что недоступен влиянию вредоносной силы. Даже когда люди могущественные, облеченные властью и сильные поддержкой раболепствующих пытаются ему повредить, мудрость остается недоступной их нападкам: так бывает с метательными снарядами — выпущенные из лука или катапульты, они хоть и взлетают высоко, исчезая из вида, однако ж неба им не прострелить. 2. Ты думаешь, когда тот глупый царь[19] затмил свет тучей стрел, хоть одна стрела попала в солнце? Или ты согласишься, что можно добраться до Нептуна, сковав цепями морские глубины? Подобно тому как небесное не дается в руки людские и как от тех, кто рушит храмы и переплавляет статуи, нет никакого вреда божественному, так и все, что совершается бесстыдного, низкого и наглого по отношению к мудрецу, рассеивается тщетно. 3.— «Но лучше, чтобы никто не пожелал этого сделать».— Слишком трудного просишь ты для рода человеческого — невинности. Да и кто заинтересован, чтобы такие вещи не случались? Конечно, те люди, которые могут их совершить, а вовсе не мудрец, которого ничто не заденет, даже если и случится. Я и правда не знаю, чем мудрость может лучше доказать свою силу, если не спокойствием среди нападок,— подобно тому, как лучшим подтверждением, что полководец силен и армией и оружием, служит его полная невозмутимость даже на вражеской земле.

5.1. Давай, Серен, если тебе угодно, проведем различие меж несправедливостью и унижением. Первая по самой природе более тяжела, а второе — легче и тяжело переносится только людьми чувствительными, поскольку задевает их (пусть даже и не причиняя вреда). Такова уж слабость и суетность людских душ, что для некоторых нет ничего горше унижения. Так, ты найдешь раба, который предпочтет, чтобы его били плетьми, но не давали оплеух, а смерть и побои сочтет более приемлемыми, чем оскорбительные слова. 2. До такой нелепости дошло, что мы терзаемся не только страданием, но даже мыслью о нем, подобно детям[20], которых страшат и тень, и уродливая маска, и искаженное гримасой лицо; их доводят до слез даже неприятно звучащие слова, и движения пальцев, и прочее, от чего они внезапно убегают, не подозревая о своем заблуждении. 3. Несправедливость имеет целью причинить кому-то зло, однако мудрость недостижима для зла: единственным злом для нее может быть позор, но ему не проникнуть туда, где уже есть добродетель и внутреннее достоинство. Итак, если несправедливость состоит в причинении зла, злом бывает только постыдное, а постыдному нет доступа туда, где властвует достоинство, то несправедливость не затрагивает мудреца. Если же несправедливость есть претерпевание какого-то зла, а мудрец ничего злого не претерпевает, то несправедливость [и в этом смысле] не задевает мудреца[21]. 4. Всякая несправедливость есть умаление [права] того, на кого она направлена, и никто не может претерпеть ее без какого-либо ущерба или для достоин-

ства, или для тела, или для каких-то внешних вещей. Но мудрец никакого ущерба понести не может: все он поместил в себе, ничего не доверил фортуне, свое добро держит в целости; он довольствуется добродетелью, которая не нуждается в случайном и потому не может быть ни приумножена, ни уменьшена. Ведь если что-то доведено до высшего предела, оно уже не может увеличиваться, а фортуна, в свою очередь, отнимает лишь то, что сама дала: но добродетели она не дает, а потому и не отнимает [22]. Добродетель свободна, нерушима, неизменна, неколебима: она так укреплена против случайных обстоятельств, что ее нельзя даже пошатнуть, не то что победить. На орудия пытки глядит она смелым взором, не меняющим выражения ни в ожидании беды, ни в предвкушении удачи. 5. Итак, мудрец не может испытать утрату, которая была бы для него чувствительна. Единственное, чем он владеет,— это добродетель, которой его невозможно лишить. Все прочее дано ему во временное пользование: а кто волнуется из-за утраты чужого? Но если несправедливость нисколько не может повредить тому, что является собственностью мудреца (раз добродетель неуязвима, неуязвимо и все, чем он владеет), то мудрецу нельзя причинить несправедливость. 6. Деметрий по прозвищу Полиоркет захватил Мегары [23]. Когда он спросил философа Стильпона [24], не лишился ли тот чего-нибудь, Стильпон ответил: «Нет, все мое при мне» — хотя имущество его было разграблено, и дочери захвачены врагом, и отечество подпало под чуждую власть, и ему самому царь задавал вопрос, сидя на возвышении, в окружении победоносного войска. 7. Но Стильпон отнял у него победу, объявив, что сам он (хотя город и захвачен), не только не побежден, но даже не потерпел никакого ущерба; и верно, он ведь в самом себе хранил те истинные блага, на которые не наложишь руку. А то, что оказалось разграбленным и захваченным, он считал не своим, но чем-то преходящим и подвластным лишь прихоти фортуны, и потому не ценил эти вещи столь же высоко, как свое достояние. В самом деле, тем, что притекает к нам извне, мы не владеем прочно и надежно.

6.1. Так рассуди же, смог бы вор или клеветник, или вспыльчивый сосед, или какой-нибудь богач, властью лишь во вдовой старости тешащийся, причинить несправедливость тому, у кого ни война, ни чужеземный враг, искусный в деле разрушения городов, ничего не смогли отнять. 2. Среди сверкающих повсюду мечей и толпы солдат, буйствующих в грабеже, среди крови и развалин поверженного города, среди грохота храмов, рушащихся на своих богов,— только для одного человека был мир. Поэтому не следует тебе опрометчиво судить о моем обещании — если я не заслуживаю доверия, то у меня найдется поручитель. Ты, наверное, не допускаешь, что такую стойкость и такое величие духа можно встретить в человеке. Но что, если он [Стильпон] выступит и скажет: 3. Нет у тебя оснований сомневаться, сможет ли смертный человек подняться над человеческим, сможет ли спо-

койно взирать на мучения, потери, язвы, раны, огромные, кругом бушующие потрясения, перенесет ли он невзгоды со стойкостью, а благополучие — с умеренностью, не уступая первым и не полагаясь на второе, и останется ли одним и тем же среди всевозможных превратностей, ничего не считая своим, кроме себя самого[, а в себе самом — наилучшую часть] [25]. 4. И вот я готов показать вам, что, хотя по приказу разрушителя стольких городов укрепления пробиваются ударом тарана, высокие башни, окруженные подкопами и скрытыми ходами, внезапно оседают, а осадные валы встают вровень с неприступными твердынями,— нет все же таких орудий, которые смогли бы поколебать хорошо укрепленный дух. 5. Я только-что выбрался из-под руин дома и, окруженный пыланием пожаров, бежал от пламени по потокам крови. Какая участь постигнет моих дочерей, не худшая ли, чем судьба их родины, я не знаю. Одинокий и старый, лишь враждебное видящий вокруг себя, я заявляю, однако ж, что имущество мое цело и невредимо: я сохраняю и продолжаю иметь все то, чем и прежде владел. 6. Не обольщайся, считая меня побежденным, а себя победителем: это лишь твоя фортуна победила мою. Где все то, что преходяще и меняет хозяев, я не знаю: мое со мной и впредь будет при мне. 7. Пострадали другие: богачи потеряли свои имения, сладострастники — своих возлюбленных и тех, чью любовь приобретают с большим уроном для своего доброго имени; честолюбцы потеряли места в сенате и на форуме, места, предназначенные для публичного упражнения в пороках; ростовщики потеряли списки, которые алчность в ложной радости наполняет призрачными богатствами; а мое достояние цело и невредимо. Поэтому спроси лучше тех, кто рыдает и сетует, кто, защищая свои деньги, подставляет беззащитную грудь острым мечам, кто бежит от врага, унося свое добро за пазухой. 8. Так убедись же, Серен, что этот совершенный муж, преисполненный человеческих и божественных добродетелей, не теряет ничего. Блага его окружены прочными, несокрушимыми укреплениями. Не равняй с ними ни Вавилонские стены, в которые все же проник Александр [26], ни укрепления Карфагена и Нуманции, покорившиеся руке одного завоевателя [27], ни Капитолий с его твердыней [28] — даже здесь враг оставил свой след. Те укрепления, что охраняют мудреца, надежно защищены от огня и ударов, в них нет доступа, высоко возносятся они, несокрушимые и равные богам [29].

7.1. Не говори, по своему обыкновению, что никогда не отыскать среди нас такого мудреца. Мы не измышляем его ради пустой славы человеческой, не выдумываем как призрачный образ небывалой вещи, но, каким его представляем, таким изобразили и будем изображать впредь. Быть может, такой человек появляется в редких случаях и через большие промежутки времени — но все великое и превосходящее обычный средний уровень вообще рождается нечасто [30]. Впрочем, я склонен думать, что тот самый Марк Катон, с упоминания о котором началось наше рассуж-

дение, пожалуй, превосходит намеченный нами образец. 2. Наконец, то, что повреждает, должно быть более прочным, чем то, что повреждается. Но порок не сильнее добродетели: значит, мудрецу нельзя повредить. Несправедливость чинят добрым только злые: у добрых меж собой мир[; злые же грозят пагубой как добрым, так и друг другу] [31]. Если повредить можно лишь тому, кто слабее, а злой слабее доброго, то несправедливость может грозить доброму лишь от человека неравного по силе и, стало быть, не коснется мудреца. А уж в том тебя не надо убеждать, что если кто и добр по-настоящему, то именно мудрец. 3. «Но если,— скажешь ты,— Сократ был осужден несправедливо, значит, он испытал несправедливость». Здесь нам нужно понять следующее: может случиться, что некто совершит несправедливость по отношению ко мне, но меня она не заденет; например, если бы кто-то, украв какую-нибудь вещь с моей сельской виллы, положил ее в моем городском доме, он совершил бы воровство, но я-то ничего не потерял бы. 4. Можно стать преступником, и не причинив никому вреда. Если некто вступает в связь со своей женой, как с чужой, он прелюбодей, а она при этом не становится прелюбодейкой. Некто подложил мне яду, но яд, смешавшись с пищей, утратил свою силу: подложивший яд обрек себя на преступление, хотя и не нанес вреда. И разбойник, чей удар пришелся на мою одежду и потерял силу, не становится от этого меньше разбойником. Всякое преступление,— еще до того, как видны его последствия,— уже совершено постольку, поскольку [само намерение] достаточно [свидетельствует о] вине [32]. 5. Есть вещи такого рода и так связанные между собой, что первое может существовать без второго, а вот второе без первого не может. Постараюсь объяснить эти мои слова. Я могу двигать ногами и при этом не бежать, но я не могу бежать, не двигая ногами. Могу, хоть и нахожусь в воде, не плыть, но если я плыву, то не могу не быть в воде. 6. Подобным образом обстоит дело и в нашем вопросе. Если я претерпел несправедливость, необходимо, чтобы она была совершена: если же она совершена, это еще не значит, что я обязательно претерплю ее. Ведь может произойти много такого, что отвратит несправедливость. Подобно тому как случай может отвести занесенную для удара руку и отклонить посланную в цель стрелу, так и любое обстоятельство способно отвратить любую несправедливость, перехватив ее на полпути: она,— хоть и совершена,— никого не коснется.

8.1. К тому же справедливость не может претерпеть ничего несправедливого, поскольку противоположности несовместимы; несправедливость, далее, не может совершаться иначе, как несправедливо: следовательно, с мудрецом не может приключиться несправедливости. И тебя не должно удивлять, что никто не может причинить ему несправедливость: ведь никто не сможет принести ему и пользы. Да мудрец и не нуждается ни в чем, что он мог бы получить в дар, а дурной человек не в силах сделать подарок, достойный мудреца. Ведь прежде чем давать, надо самому

иметь: а дурной человек не имеет ничего такого, что мудрец был бы рад получить. 2. Итак, никто не может ни повредить мудрецу, ни принести ему пользу, поскольку божественные существа не нуждаются в помощи и не могут подвергнуться порче, а мудрец наиболее близок и родствен богам и, за исключением смертности, во всем подобен богу [33]. Устремленный и влекомый лишь к высокому, упорядоченному, бестрепетному, где все течет равномерно и согласованно [34], все спокойно и благодатно, все вершится для общего блага, на пользу себе и другим, он останется недоступен ни для низких желаний, ни для скорби. 3. Повинуясь лишь разуму, с божественным духом шествует он сквозь людские превратности. Не от кого ему ждать несправедливости: ты думаешь, я говорю только о людях? Нет, и о фортуне тоже: сколько бы раз она ни сталкивалась с добродетелью, она никогда не отступала без урона. Если тот крайний предел, за который не простирается власть жестоких законов и злобных тиранов, над которым не властна фортуна, мы принимаем в спокойствии и ясности духа, если мы знаем, что смерть не является злом [35], а значит, и несправедливостью,— то намного легче перенесем все прочие потери и несчастья, бесславие, перемены мест, осиротелость, разлуки. Все это не затронет мудреца, даже если разом на него обрушится, а одного удара он и вообще не заметит. И если он стойко выносит несправедливости судьбы, что ему людская несправедливость? Он знает, что люди — лишь орудия фортуны!

9.1. Итак, все эти вещи он переносит так же стойко, как зимний холод и непогоду, как треволнения и болезни и все прочее, происходящее по случаю. Никого он не ставит так высоко, чтобы признать, будто тот действует по здравому размышлению,— оно есть только у мудреца: все прочие люди неспособны действовать продуманно, над ними властвуют ошибки, заблуждения и неупорядоченные движения души, которые мудрец причисляет к превратностям. А что до случайностей, то они свирепствуют вне нас — к ним относится и несправедливость. 2. Подумай и о том, какой простор для несправедливости открывается в вещах, грозящих нам опасностью,— например, подкупе обвинителя, ложном доносе или обращении против нас гнева власть имущих и всех прочих кознях, какие бывают среди граждан. Часто встречается еще и такая несправедливость, когда у кого-то отбирают прибыль или долгожданную награду, силой отнимают с большим трудом добытое наследство, лишают покровительства богатой семьи. Всего этого избегает мудрец, который не знает, что значит жить в надежде или в страхе [36]. 3. Прибавь еще, что никто не в силах встретить несправедливость невозмутимо, что она, напротив, волнует чувства всякого человека, и не тревожится ею только муж, свободный от ошибок, умеющий управлять собой, исполненный высокого и ясного спокойствия. Ведь если несправедливость кого-то задевает, она волнует его и приводит в смятение; а мудрец свободен от гнева, который пробуждается при виде несправедливости. Причем он не был бы свободен от гнева, будь он

подвластен несправедливости [37]: но мудрец знает, что она его не заденет. Поэтому он так прям и горд, потому исполнен постоянной радости. Наконец, он не сжимается [38] под ударами обстоятельств и людей как раз по той причине, что на пользу ему и сама несправедливость, при помощи которой он испытывает себя и проверяет свою добродетель. 4. Замрем же — прошу вас — перед этим образом, благоговейно обратив наши души и слух к мудрецу, ускользающему от несправедливости! Не нужно для этого убавлять ни вашей вспыльчивости и необузданности желаний, ни слепого безрассудства и заносчивости: свобода мудреца провозглашается при сохранении ваших пороков. Нет, мы вовсе не притязаем на то, чтобы удержать вас от несправедливости, мы утверждаем лишь, что он стоит выше всех несправедливостей и защищает себя от них терпением и величием духа. 5. К примеру, многие одерживали победу в священных состязаниях [39], утомив противника упорным сопротивлением: считай же, что мудрец из породы тех бойцов, которые длительным и настойчивым упражнением обретают мощь выдерживать и укрощать всякую враждебную силу.

10.1. Так как первую часть мы бегло обозрели, перейдем теперь ко второй; здесь, пользуясь иногда частными, а по преимуществу — общими доводами [40], мы покажем тщетность унижения. Унижение есть меньшая несправедливость, на которую мы можем скорее жаловаться, чем преследовать ее по закону, ибо законы даже не считают ее сколько-нибудь достойной наказания. 2. Аффект пробуждается здесь приниженностью [41] души, которая сжимается под влиянием высказанного или высказанного презрения: «Этот меня сегодня не принял, хотя других принимал», или: «В ответ на мои слова он высокомерно отвернулся или рассмеялся мне в лицо», или: «За столом он поместил меня не на почетном, а на крайнем ложе» и прочее в таком же роде. Как иначе назвать это, если не жалобами привередливой души? На них скоры лишь неженки да баловни фортуны; недосуг все это замечать тому, кого теснит худшее. 3. Люди, развращенные чрезмерной праздностью и отсутствием подлинных несправедливостей, по складу души так слабы и изнежены, что их раздражают даже эти пустяки, которые большей частью суть плод их превратного представления. Стало быть, ни благоразумия, ни твердой уверенности [42] не имеет в себе тот, кто поддается унижению. Ведь ясно, что он сам считает себя оскорбленным: но именно эта скорбь и свидетельствует о некоторой приниженности, угнетенности и подавленности души. Напротив, мудреца никто не в силах задеть: он познал свое величие, он ни за кем не признает такой же власти над самим собой, и все эти душевные переживания, а лучше сказать, досадные неприятности он не то что побеждает, а скорее не замечает вовсе. 4. Нет, если не поразить, то настичь мудреца может нечто иное, как-то: телесная боль и дряхлость или утрата друзей и детей и бедствие родины, объятой пламенем войны [43]. Я не отрицаю, что мудрец чувствует все это,— ведь не приписываем же мы ему

твердость камня или железа [44]. Не нужно никакой добродетели, чтобы перенести то, чего не чувствуешь. Итак: некоторые удары он принимает, но лишь затем, чтобы преодолеть их, излечить их и изгладить их след. А всякие мелочи он и не замечает вовсе, и не вооружается против них своей стойкой добродетелью, привычной к перенесению трудностей: он или не ощущает их, или считает достойными смеха.

11.1. Кроме того, если унижение по большей части наносят обуянные гордыней и высокомерные люди, неспособные переносить свое счастье, то мудрец совершенно неуязвим для этой тщеславной страсти благодаря прекраснейшей из всех добродетелей — величию души. Подобного рода вещей эта добродетель избегает как пустых призрачных снов и ночных видений, не имеющих в себе ничего основательного и истинного. 2. Вместе с тем мудрец сознает, что все люди гораздо ниже его как раз потому, что имеют дерзость презирать тех, кто гораздо выше их. Слово «унижение» (contumelia) происходит от слова «презрение» (contemptus) [45], ибо такой несправедливостью отмечен лишь тот, кому выказывается презрение. Однако, даже совершая то, что обычно творят оскорбители, человек не в силах выказать презрение тому, кто старше и лучше его. Ведь и дети бьют родителей по лицу, а младенец хватает и таскает мать за волосы и плюет на нее или обнажает при посторонних то, что должно быть скрыто одеждой, и не удерживается от непристойных звуков: но ничто из всего этого мы не считаем унижением. Почему? Да потому, что совершающий это не может унизить. 3. По той же причине нас забавляют пренебрежительные насмешки наших рабов над своими хозяевами, и мы даем им право перенести эту дерзость и на гостей, раз уж она начала с хозяина. И чем больше преуспевают они в оскорблениях и насмешках, тем развязнее становится их язык. Для этой забавы даже покупают дерзких мальчишек, а их бесстыдство изощряют к тому же специальным обучением, дабы они изливали поношения со знанием дела: и все это мы называем не унижениями, а остроумными шутками [46]. Какое же это безумие, то тешиться, то оскорбляться одним и тем же, и слово, сказанное другом, называть злоречием, а сказанное рабом — забавной шуткой!

12.1. Что являем мы собой по отношению к детям, то мудрец являет по отношению ко всем людям, которые и в зрелости и до седых волос сохраняют все ту же ребячливость. Да и разве повзрослели те, чьи душевные пороки и заблуждения лишь умножились, кто отличается от детей только размерами и обликом тела? Во всем прочем они не менее пусты и непостоянны, жаждут наслаждений без разбора, суетливы, а кроткими бывают не по складу ума, но от страха. 2. Вряд ли кто-то признает разницу меж ними и детьми в том, что у детей жадность до игральных костей, орехов и мелкой монеты, а у них — до золота, серебра и людных городов; что дети играют друг с другом в магистраты и у них игрушечные и претекста, и фасции, и трибунал [47], а взрослые люди всерьез изображают то же самое на Марсовом поле, на форуме

и в курии [48]; дети строят на берегу домики из песка, а взрослые — как будто совершают что-то великое — возводят из камня стены и кровли, превращая то, что создано для защиты, в источник опасности [49]. Следовательно, взрослые заблуждаются так же, как дети, но только в другом и более весомо. 3. И значит, не без основания мудрец принимает их оскорбления как шутки, время от времени бранит и наказывает их, как детей: не потому, что он претерпевает несправедливость, а потому, что они ее совершили и чтобы больше не повторяли. Подобным образом и животных укрощают плетью: мы не гневаемся на них, когда они не повинуются всаднику, но наносим удар, чтобы боль умерила их строптивость. Вот тебе и ответ на возражение, которое нам ставят: почему мудрец, если его не задевают несправедливость и унижение, наказывает тех, кто их совершает? Не для того, чтобы за себя отомстить, а чтобы их исправить.

13.1. Так отчего же ты не веришь, что эта крепость духа может быть присуща мудрому человеку, когда то же самое ты можешь заметить и в других людях, но только по другому поводу? Какой врач гневается на безумного или дурно принимает брань больного лихорадкой, которому запретил холодное питье? 2. Мудрец с таким же настроем относится ко всем людям, с каким врач к своим больным: врач не считает зазорным обследовать у них и непристойные части, если они нуждаются в лечении, не брезгует изучать испражнения и мочу и не считает обидными крики помешанных. Мудрец знает, что все те, кто щеголяет в тогах и пурпуре, здоровы лишь на вид; он глядит на них только как на больных, неспособных владеть собой. А потому он не гневается на них, если в болезни они позволяли себе какие-то дерзости по отношению к врачу, и как ни во что не ставит их почести, так не считается и с их малодостойными поступками. 3. Как не возомнит он о себе из-за того лишь, что нищий ему поклонится, так не сочтет унижением, если на его приветствие не ответит взаимным приветствием человек плебейского сословия. Точно так же не возгордится он оттого, что на него будут с почтением взирать многие богачи (ведь он знает, что они нисколько не отличаются от нищих и даже еще несчастнее, ибо нищие нуждаются только в необходимом, а эти — во многом). И напротив, его не заденет, если на его приветствие царь мидян или азийский Аттал [50] ответит молчанием и даже не взглянет в его сторону. Он знает, что их положение не более достойно зависти, чем положение того, кто, заботясь о множестве домочадцев, вынужден усмирять больных и безумных. 4. Неужели мне трудно перенести, если мне не выкажет почтения кто-нибудь из тех, что ведут торг у храма Кастора [51], продавая и покупая негодный товар, и чьи лавки набиты толпой самых худших рабов? Думаю, нет. В самом деле, чем хорош человек, под властью которого одни негодяи? Итак, мудрец останется равнодушным к почтительности или непочтительности подобных людей, а равно и царя: «Ты властвуешь над парфянами, мидянами и бактрийцами, но удерживаешь их страхом, а они та-

ковы, что тебе и лук нельзя выпустить из рук,— продажные негодяи, высматривающие себе нового господина» [52]. 5. Стало быть, никто не может унизить мудреца: хоть люди и отличаются друг от друга, для мудреца все они одинаковы из-за равно присущей им глупости [53]. И если он хоть раз опустится до того, чтобы прийти в волнение от несправедливости или от унижения, он уже никогда не сможет сохранить спокойствие, а спокойствие есть отличительное достояние мудреца. Он не признает, что кто-то унизил его: иначе он выказал бы уважение оскорбителю; а ведь совершенно неизбежно, что если мы с трудом переносим оскорбление от какого-то человека, то его уважение нам приятно.

14.1. Некоторые охвачены таким безумием, что считают, будто унизить их может даже женщина [54], но имеет ли значение, какова она, сколько у нее носильщиков, какими украшениями отягощены ее уши или сколь просторен ее паланкин? В любом случае это неразумное животное и — если только не получила образования и обширного воспитания — предается всевозможным страстям и влечениям. Некоторые с трудом сносят, даже если их ненароком дернет за волосы тот, кто завивает локоны, считают оскорблением тяжелый нрав привратника, надменность номенклатора [55] и спесивость спальника. Какой же смех должно вызывать все это, какая радость [56] должна наполнять душу того, кто созерцает свой покой среди нагромождения чужих заблуждений! 2. — «Что же, мудрец не войдет в двери, которые охраняет суровый привратник?» — Напротив, если нужно будет, он постарается усмирить его, каков бы он ни был, бросив ему подачку, словно свирепому псу, он не сочтет бесчестьем и поиздержаться ради того, чтобы переступить порог, помня, что и на некоторых мостах надо платить за вход. Он одарит и того, кто (каков бы он ни был) требует мзды за посещение: ведь ему известно, что продажное можно купить. А кто любуется собой из-за того, что с гордым видом дал отпор привратнику, сломал его жезл и пошел к хозяину, требуя высечь этого привратника,— человек подлой души. Унижает себя до соперничества тот, кто вступил в ссору и уподобился обидчику, чтобы отомстить. 3.— «А что сделает мудрец, если получит пощечину?» — То же самое, что и Катон, когда его ударили по лицу: он не распалился гневом, не мстил за несправедливость, но и не прощал ее, а просто счет несодеянной [57]. Презрев несправедливость, он выказал большее величие души, чем если бы простил ее. Но не будем долго задерживаться на этом: ибо кто же не знает, что мудрец представляет себе благо и зло совсем не так, как остальные люди? 4. Его не заботит, что́ люди считают гадким или ничтожным: не следуя толпе, но подобно звездам, путь которых противоположен движению небесного свода [58], идет и он наперекор общему мнению.

15.1. Итак, не говорите больше: «Значит, мудрец не потерпит несправедливости, даже если и побьют его, если выколют глаз? Значит, не будет унижен, если толпа на форуме осыплет его не-

пристойной бранью, если на пиру у царя ему прикажут возлечь в нижней части стола и есть вместе с рабами, исполняющими самую низкую службу? Если, наконец, заставят перенести еще и многое другое, тягостное для естественного человеческого достоинства?» 2. Сколь бы многочисленны и тягостны ни были подобные вещи, природа у них одна и та же: если мудреца не задевает малое, его не заденет и значительное; если не задевает одно, то не заденет и многое. Но вы строите догадки о человеке великой души, исходя из собственной слабости, и, рассудив, сколько вы сами можете выдержать, приписываете мудрецу немногим больший предел терпения. А мудрец не имеет с вами ничего общего, так как благодаря своей добродетели помещен в иных пределах мира [59]. 3. Собери самое тягостное, самое трудноперенесимое и отвратительное для зрения и слуха — он не даст этим вещам погубить себя и сумеет противостоять и каждой в отдельности, и всем вместе. Заблуждается тот, кто считает, что одно переносимо для мудреца, а другое непереносимо, и тем ставит известные пределы величию его души: фортуна побеждает нас, если только мы не победим ее окончательно. 4. Не думай, что дело здесь в сугубо стоической суровости. Эпикур, которого вы избрали покровителем вашей лености и который, как вы считаете, предписывает все сладостное, располагающее к праздности и ведущее к наслаждениям, говорил: «Фортуна не противится мудрецу» [60]. Это уже почти голос мужа! Что ж, скажи сильней и изгони ее совсем! 5. Дом мудреца тесен, в нем нет убранств [61], шума и церемоний, его не охраняют привратники, распределяющие толпу гостей с продажной привередливостью; но этот пустой порог, эти открытые двери фортуна не переступит: она знает, для нее нет места там, где ей ничего не принадлежит.

16.1. Если уж сам Эпикур, столь снисходительный к телу, восстал против несправедливостей, то неужели нам (стоикам.— *Перев.*) что-то может показаться невероятным или превышающим меру человеческой природы? Он говорит, что несправедливости переносимы для мудреца, а мы — что несправедливостей для него не существует. 2. И не утверждай, что это противоречит природе. Мы не отрицаем, что неприятно быть истерзанным, избитым, лишиться какого-нибудь члена, но отрицаем, что все это — несправедливость. Мы оспариваем здесь не чувство боли, а имя несправедливости, которую нельзя претерпеть, если цела добродетель. Какое утверждение вернее, мы увидим; но оба они согласны в пренебрежении несправедливостью. Ты хочешь узнать, какая между ними разница? Такая же, как между двумя бесстрашными гладиаторами [62]: один просто зажимает рану и остается в позиции, а другой, обращаясь к вопящей толпе, дает знак, что ничего не случилось и не нужно прекращать бой. 3. Не думай, что мы во многом расходимся [63]. В том, о чем идет речь и что действительно всех нас заботит, оба учения согласны: они побуждают нас презирать несправедливости и — я назвал бы их тенями и призраками несправедливостей — унижения. Чтобы презирать унижения, не нужно

даже мудрости; достаточно простого здравомыслия, чтобы спросить: «Заслуженно мне это выпало или незаслуженно? Если заслуженно, это не унижение, а справедливый суд надо мной; если незаслуженно, то пусть краснеет тот, кто совершил неправое дело». 4. Да, собственно говоря, что такое унижение? Кто-то посмеялся над моей лысиной, и над слабыми глазами, и над худобой голеней, и над моей осанкой, но разве унизительно выслушать то, что и так очевидно? Сказанное наедине смешит нас, сказанное в присутствии многих — оскорбляет, и мы не признаем за другими свободы повторять то, что привыкли говорить сами о себе. Умеренным шуткам смеемся, неумеренным — гневаемся.

17.1. Хрисипп рассказывает, что некто пришел в ярость, когда какой-то человек назвал его морским бараном [64]. Мы видели, как Корнелий Фид, зять Овидия Назона, плакал в сенате, когда Корбулон [65] обозвал его ощипанным страусом: ему хватило сил вынести многие поношения, больно задевавшие его привычки и нравы, а такая вот нелепость повергла его в слезы. Так слабеют души, когда их покидает разум! 2. А что, собственно, задевает нас, если кто-то изображает нашу манеру говорить, кто-то — походку, какой-нибудь телесный изъян или порок речи? Как будто эти недостатки в чужом изображении становятся заметнее, чем у нас самих! Одни с неудовольствием принимают речи о старости, о седине и о прочем, хотя мы всем желаем дожить до этого. Других выводит из себя злословие насчет бедности, но бедность унижает лишь того, кто ее скрывает. Отнять почву у наглецов, изощрившихся в оскорблениях, можно лишь при условии, что сам займешь их место — раньше и по доброй воле: тот не дает повода для насмешек, кто начал с себя самого [66]. 3. Ватиний, словно созданный для привлечения пасмешек и ненависти, сам был, как всем известно, отменным шутником и острословом. Он сам больше всех шутил над своими ногами и покрытым шрамами горлом [67] и тем избежал враждебных насмешек — а врагов у него было больше, чем болезней,— и в первую очередь колкостей Цицерона. Если уж на это благодаря своей наглости оказался способен человек, которого привычность к насмешкам лишила стыда, то почему этого не сможет человек, достигший уже известных успехов в занятии свободными искусствами и в постижении мудрости? 4. Добавь еще, что это и своего рода месть — отнять у оскорбителя возможность насладиться причиненным унижением. Тогда обычно говорят: «Вот досада! Вижу — он ничего не понял!» — потому что действенность унижения зависит от чувствительности и раздражительности того, на кого оно нацелено. К тому же рано или поздно и у обидчика найдется враг, который отомстит и за тебя.

18.1. Гай Цезарь[68], как передают, помимо прочих пороков, которыми он был наделен в изобилии, обладал поразительной склонностью унижать людей всеми известными способами; однако при этом он сам давал обильнейшие поводы для насмешек: столь неприятна была его бледность — признак безумия,— та-

кая дикость таилась в глазах, скрытых под старушечьим лбом, так уродлива была плешивая голова, едва прикрытая редкими волосами. Прибавь заросшую щетиной шею, и худобу ног, и огромность ступней. Сверх меры хватило бы, если бы я захотел перечислить все то, чем унижал он своих родителей и предков, чем унижал он граждан всех сословий: расскажу лишь о том, что привело его к концу. 2. В числе первых его друзей был Валерий Азиатик [69], человек вспыльчивый и едва ли способный равнодушно сносить чужие насмешки. И вот во время застолья, то есть в присутствии многих людей, Цезарь во весь голос упрекнул Азиатика, что его жена-де не слишком хороша в постели. Боги благие! И это слушать мужу[, а принцепсу знать]![70]. До какой же степени должна дойти разнузданность, чтобы — я не говорю уж — консуляру, не говорю — другу, но законному супругу принцепс рассказывал и о своем прелюбодеянии и о пресыщении! 3. Иначе было с военным трибуном Хереей [71]: речь у него была не по мужеству — слабая, вялая и — если, конечно, не знать о его деяниях — скорее могла вызвать недоверие. Когда он просил пароль, Гай давал ему то слово «Венера», то «Приап», и так и этак пеняя воину при оружии за его мягкость,— а сам при этом был одет в прозрачные ткани, обут в сандалии и украшен золотыми вещами. Этим он заставил Херею прибегнуть к мечу, чтобы больше уж не просить пароля. Херея первым из заговорщиков занес руку и одним ударом снес ему шею; и уж затем со всех сторон набросилось множество вооруженных мечами людей, мстящих за личные и общественные несправедливости [72]. Но первым проявил мужество тот, кто менее всего казался на это способным. 4. Что до самого Гая, то он во всем видел для себя унижение,— ведь, как известно, кто хуже всех переносит несправедливости, тот больше всех склонен их причинять. Он разгневался на Геренния Макра [73] за то, что тот, приветствуя, назвал его просто Гаем. А примипиляру [74] не сошло с рук, когда он назвал его Калигулой,— хотя императора, рожденного в лагере, питомца легионов, обычно называли этим прозвищем, и никогда не было у него имени, более знакомого солдатам [75]; ведь только одев котурны [76], он стал считать прозвище «Калигула» позорным и постыдным. 5. Итак, пусть нам служит утешением, что, хотя наша снисходительность и не позволяет нам мстить, однако найдется же когда-нибудь человек, который накажет обидчика за всю его заносчивость, наглость и несправедливость: ведь эти пороки никогда не ограничиваются одной жертвой и одним-единственным унижением.

19.1. Обратимся же к примерам тех людей, чья выдержка достойна восхищения: таков Сократ, который добродушно принимал едкие шутки в свой адрес на публичных представлениях комедий и смеялся не менее, чем когда его жена, Ксантиппа, обливала его грязной водой [77]. Когда Антисфена упрекали в том, что его мать варварского происхождения — фракийка [78], он отвечал, что и Мать богов — фригийка [79]. 2. Не нужно затевать ссоры

и споры, как бы ни оскорбляли нас негодные люди (а только негодяи и способны на это); будем держаться подальше, не обращая на них внимания, будем равнодушны и к почестям, и к несправедливостям толпы, не горюя из-за одних и не радуясь другим. 3. Иначе страх перед унижениями или отвращение заставят нас пренебречь многими необходимыми вещами, и мы не выполним общественных и личных обязанностей [80] даже первостепенной важности, если, подобно женщинам, будем заботиться только о том, как бы не услышать чего-нибудь неприятного. А в другой раз, распалившись гневом на власть имущих, дадим неумеренную свободу этой страсти. Но свобода состоит не в том, чтобы ничего не претерпеть: это ошибка; свобода заключается в том, чтобы возвыситься духом над несправедливостями и усовершенствовать себя настолько, дабы получать радость лишь от самого себя, удалить от себя все внешнее, дабы не вести беспокойную жизнь, полную страха перед насмешками и пересудами [81]. Если каждый может унизить, то разве найдется человек, способный не сделать этого? 4. Однако мудрец и тот, кто лишь продвигается к мудрости, пользуются разными средствами. Человек, неискушенный и зависимый поэтому от мнения толпы, должен намеренно избрать себе жизнь среди несправедливостей и унижений: их гораздо легче перенести, если ждешь заранее [82]. Чем родовитее, славнее и богаче человек, тем мужественнее он должен вести себя, памятуя, что в первых рядах стоят отборные воины. Унижения, брань, поношения и прочее бесчестье пусть переносит он как вражеские крики, как пущенные с дальнего расстояния стрелы или камни, задевающие шлем [83], но не наносящие ран. А несправедливости пусть он сносит как раны, приходящиеся то на оружие, то в грудь,— не отступая ни на шаг. Как бы ни теснил, как бы ни наседал на тебя враг, отступать позорно: отстаивай место, назначенное тебе природой. Спрашиваешь, что это за место? Место [достойного] мужа [84]. 5. У мудреца иные силы, не те, о которых шла речь только что: вы пока еще ведете бой, а он уже одержал победу. Не отвергайте своего блага, и эту надежду, пока вы не достигли истины, взращивайте в душе, благосклонно принимайте лучшее и подкрепляйте его вашим мнением и вашим обетом: ведь есть же что-то непобедимое, есть кто-то, над кем не властна фортуна,— таково свойство государства рода человеческого [85].

## ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Скорее всего, имеются в виду эпикурейцы (ниже, 15,4 сл.; De otio 1, 4).

[2] «Совместная жизнь», или «общность жизни» (societas vitae=κοινωνία βίου) — технический термин, характеризующий значение «природного» целеполагания для организации человеческой жизни (см.: Cic. De off. I, 4, 12; 7,20; De leg. I, 18,48). Смысл термина определяется понятием об οἰκείωσις — некоем природном «расположении», или «дружелюбии», людей (прежде всего по отношению к близким, потомству и т. д.). Конечным выражением «общности жизни» является поэтому дружба или дружеская любовь (φιλία — SVF III, Chrys. 112). См. также прим. 54.

[3] Типичное для послеплатоновской философии уподобление мудреца врачу, исцеляющему «болезни» души — пороки и страсти (например, Cic. Tusc. III, 1, 1; IV, 10, 23; Sen. Ep. ad Luc. 50,4; 72,6; 75,6—7; 11; ниже, 13,1—2), а философию — «врачебному искусству» (Ep. ad Lyc. 116,1).

[4] Домашние врачи, как правило, были рабами (ср.: De ben. III, 24; ниже, 13,3).

[5] Образ «вершины» духа, которая неподвластна фортуне,— общее место увещательной стоической литературы (например, Ep. ad Luc. 72,9—11; 75,18; 82,5; 92,30—33; ср.: Horat. Sat. II, 7,83 sq.). О «суровости» стоиков — Ep. ad Luc. 13,4; 33,1; ниже, 15,4.

[6] Встречающийся еще у Гесиода (Opp. 293 sq.) образ трудного поначалу пути к вершинам добродетели (ср.: Ep. ad Luc. 50,9; 79,8; 84,13; 92,30).

[7] Диалог замыслен, по-видимому, как продолжение некоей «прежней» беседы.

[8] Марк Порций Катон «Утический» (95—46 до н. э.), один из вождей республиканской партии, приверженец стоической философии. Идеализированный образ Катона со временем стал излюбленным примером несгибаемого стоического мудреца (например, ниже, 2,2; Ep. ad Luc. 14,13; 24,6—8; 70,22; 97,8; 104,29—33). Публий Ватиний (консул 47 г., политический авантюрист, сторонник Цезаря) противопоставлен ему здесь как типический пример «анти-мудреца» (ср.: ниже, 17,3). Антитезой Катон — Ватиний Сенека пользуется не раз (De prov. 3,14; Ep. ad Luc. 118,4).

[9] Скорее всего, имеется в виду эпизод 59 г. до н. э., когда Катон выступил против закона о раздаче земель, предложенного Цезарем (Plut. Cat. min. 33; Sen. Ep. ad Luc. 14,13). Ростры — ораторская трибуна на Римском форуме. Фабиева арка — триумфальная арка, возведенная на форуме в 121 г. до н. э. консулом Квинтом Фабием Максимом.

[10] Публий Клодий Пульхр (92—52 до н. э.), сторонник Цезаря, демагог и авантюрист. Антитеза Клодий — Катон — Ep. ad Luc. 97,10.

[11] Мудрец, таким образом, неподвластен четырем главным страстям души — скорби, страху, желанию и наслаждению (см.: Diog. L. VII, 110). Геракл и Одиссей — излюбленные примеры героизма в кинической и стоической философии (см.: Diog. L. VI, 16—18; Cic. Tusc. V, 3, 7; De fin. III, 66; Epict. Diss. III, 24,12; 26,31—34).

[12] В оригинале — cum ambitu. Термином ambitus обозначались злоупотребления на выборах — подкуп избирателей и пр. В 63 г. Катон выдвинул подобное обвинение против Лициния Мурены, избранного консулом на 62 г. (Plut. Cat. min. 21 ср. 45; Cic. Pro Mur. passim).

[13] Намек на первый триумвират (60 до н. э.), заключенный Помпеем, Цезарем и Крассом.

[14] Катон не получил должности претора на 55 г., которая благодаря поддержке Помпея была отдана Ватинию (Plut. Cat. min. 42 ср. 50; Sen. Ep. ad Luc. 71,8; 74,2; 104,30; De ben. V, 17,2), но добился ее в следующем году. Претор — высший (после консула) магистрат, ведавший юрисдикцией. Во времена Катона число преторов достигало восьми.

[15] Возражение Серена напоминает обычные, наделенные порой немалой долей иронии упреки по поводу внешней парадоксальности стоических предписаний (ср.: Plut. St. rep. 17,1041 f; Sen. De ben. II, 25,2; Ep. ad Luc. 45,5; 48,11; 80,2; 83,8; 87,1; 116,7), что не исключало, впрочем, самого серьезного отношения к сути этих парадоксов.

[16] Ср.: Diog. L. VII, 118; Horat. Epist. I, 1,106—108; Sen. Ep. ad Luc. 47,12; 17; 83,27; 85,24.

[17] Ср. ниже, 3,3; 16,2; Cic. Tusc. II, 12,29; IV, 3,6; V, 11,32; De leg. I, 13,38.

[18] Алмаз или особо твердая сталь.

[19] Имеется в виду персидский царь (486—465) Ксеркс (см.: *Herodot.* VII, 35; 226).

[20] Смысл сравнения с детьми: «ребячливость» метафорически обозначает непричастность к мудрости, неумение правильно пользоваться разумом и, как следствие, неспособность противиться аффектам, проистекающим из ошибочных мнений или представлений (см.: ниже, 10,3; II, 2; 12,1—2;

Diog. L. VII, 110; Sext. Adv. M. VII, 151; Cic. Tusc. IV, 6,11; 7,14—15; 21,47; Sen. Ep. ad Luc. 4,2; 13,4—5; 24,13; 115,8).

[21] «Парадокс», на котором строится аргументация Сенеки: понятие «зло» берется в двух смыслах — внешнем и внутреннем (см. ниже, 5,4; Ep. ad Luc. 74,25).

[22] Ср.: Ep. ad Luc. 59,18; 71,8; 98,2.

[23] Деметрий (ок. 336—283 до н. э.) — эллинистический полководец, царь Македонии (с 294); прозвище «Полиоркет» («тот, кто осаждает города» — греч.) получил, вероятно, за изобретение многих осадных орудий. Взятие Мегар относится к 307 г.

[24] Стильпон Мегарский (см. о нем: Diog. L. II, 113—120), у которого, вероятно, учился Зенон, основатель стоической школы (Diog. L. VII, 24). Нижеследующий эпизод с теми или иными вариациями передается в: Plut. Demetr. 10; Diog. L. II, 115; Sen. Ep. ad Luc. 9,18.

[25] В тексте Waltz'a выделено как позднейшая вставка (ср., впрочем: Ep. ad Luc. 92,1; 8).

[26] Александр Македонский захватил Вавилон в 331 г. до н. э.

[27] Карфаген (в 147 до н.э.) и испанский город Нуманция (в 133 до н. э.) были взяты римским полководцем Сципионом Эмилианом.

[28] Капитолий и цитадель, по преданию, еще при Ромуле однажды были захвачены сабинянами (Liv. I, 11); далее, в 460 (или 456) г. до н. э. их захватил некий Аппий Гердоний (ib. III, 15). В 387 г. до н. э. галлы заняли Капитолийский холм, но не смогли взять цитадель, защитников которой якобы разбудили гуси (ib. V, 47 sq.).

[29] Ср.: Ep. ad Luc. 74,19—20.

[30] Ср.: De ira II, 10,6; Ep. ad Luc. 42,1; 97,10.

[31] В тексте Waltz'a выделено как позднейшая вставка (ср., впрочем: Diog. L. VII, 123; SVF III, Chrys. 587).

[32] Ср.: Ep. ad Luc. 97,14—15; De ben. V, 14,2; Iuven. Sat. XIII, 209—210; M. Aur. I, 3. Здесь нельзя не увидеть возросшего внимания к проблемам внутренней мотивации действия, совести как ответственности субъекта перед самим собой и пр.

[33] Ср.: Ep. ad Luc. 41,4; 48,11; 59,14; 73,13.

[34] Намек на Зеноново определение счастья как «благого течения жизни» (εὔροια βίου — SVF I, 184; Sext. Adv. M. XI, 30; Diog. L. VII, 88).

[35] Ср.: Ep. ad Luc. 30,6; 36,9—10; 82,9—10; 15; 104,10; 123,16; Diog. L. VII, 102.

[36] Ср.: Ep. ad Luc. 5,7; 6,2; 59,14; 101,8; 110,4 ср., впрочем, также 13,2; ниже 19,5.

[37] Ср.: De ira II, 3,4—5; III, 25,3.

[38] Non contrahitur — «Сжатие» (contractio = συστολή) — технический термин для описания «скорби» или «печали» (aegritudo = λύπη): душа подвергается «сжатию» вопреки разуму под влиянием представления о присутствии зла (SVF I, 212; III, Chrys. 391; M. Aur. II, 10,2). Мудрец неподвластен скорби (ниже, 10,2; Ep. ad Luc. 99,15; 120,21 ср. Cic. Tusc. III, 7,14—15; IV, 4,8; 6—7,14; 31,66—67).

[39] Спортивные состязания в Греции проводились как часть религиозного празднества: так, Олимпийские и Немейские игры давались в честь Зевса, Пифийские — в честь Аполлона, Истмийские — в честь Посейдона. В Риме существовали свои многочисленные празднества, сопровождавшиеся состязаниями,— Столетние празднества, Латинские игры и пр. По образцу Олимпийских игр Август учредил праздничные состязания в честь победы при Акции (проводились в Никополе — Suet. Aug. 18). Похожие состязания учредил Нерон (Nero 20).

[40] Propriis... communibus.— По мнению П. Грималя (Commentaire. P. 25), частными доводами называются здесь стоические парадоксы, рассчитанные на подготовленную аудиторию, общими — рассуждения, излагающие «общие места» и потому доступные для всех. По другому мнению (*Albertini E.* La composition dans les ouvrages philosophiques de Sénèque. P., 1923. P. 76 s.; *Waltz R.* Ad loc. P. 48. note 1; *Klei W.* S. 128), частные доводы относятся только к унижению, общие — также и к неспра-

ведливости. Наконец, частные доводы можно считать аргументами самого Сенеки, общие — аргументами стоической школы вообще (*Basore J. W.* ad loc.— Seneca. Moral Essays. L., 1970. V. 1. P. 77).

41 См. прим. 38. «Приниженности души», «слабодушию», или «малодушию» (humilitas animi = μικροψυχία) (ниже, 10,3) противостоит добродетель «величия души» (magnitudo animi = μεγαλοψυχία). Ей отводил высокое место еще Аристотель (Eth. N. IV, 7, 1123 a 34 sq; 1124 a 1 sq.). У ранних источников «величие души» считалось разновидностью мужества и определялось как интеллектуально-нравственное состояние, позволяющее быть выше превратностей (Diog. L. VII; 93; Sext. Adv. M. IX, 161; SVF III, Chrys. 264). Римские авторы придавали этой добродетели первостепенное значение,— вероятно, не без влияния Средней Стои (Панэтий и Посидоний) (см. выше, 6,2; 9,4; ниже, 11,1; 15,2—3 ср. 13,1; 14,3; Ep. ad Luc. 74,12—13; 87, 35; Cic. De off. I, 19,64 sq.; Tusc. II, 26,64 sq.; в целом см.: *Knoche U.* Magnitudo animi. Untersuchungen zur Entstehung und Entwicklung eines römischen Wertgedankes.— Philologus, Supplbd. 27,3, 1935).

42 ...nec prudentiae... nec fiduciae...— Две из четырех основных добродетелей (у Зенона: разумение, мужество, рассудительность и справедливость — Plut. St. rep. 7, 1034 c). Prudentia («разумение», «благоразумие») соответствует греч. φρόνησις (Cic. De off. I, 43,153). Fiducia («уверенность в себе») есть следствие мужества (Cic. Tusc. III, 7,14; Sen. De tr. an. 11,1; Ep. ad Luc. 87, 35; 94,46).

43 То есть все, что относится к «безразличному» (см.: SVF I, 190); «безразличное», в свою очередь, делится на «предпочитаемое» и «непредпочитаемое»: первое мудрец одобряет, второго избегает (см.: Diog. L. VII, 106). Но и непредпочитаемое (о котором здесь идет речь) не есть зло для мудреца: так, боль не зло и т. д. (Cic. Tusc. II, 12,29 sq.; III, 34,81; Sen. Ep. ad Luc. 74,23; 30; 85,29; 92,22; 101,10).

44 См.: Cic. Tusc. III, 6,12; SVF III Chrys. 574; Sen. Ep. ad Luc. 9,3; 71,27—29; 99,15; M. Aur. V, 26.

45 Этимология произвольная (ср., например, Cic. De off. I, 7,23), хотя и достаточно распространенная (Digest. XLVII, 10,1; Instit. IV, 4).

46 Обычай держать шутов был распространен в богатых домах (см.: Ep. ad Luc. 50,2).

47 Претекста — тога с пурпурной каймой; ее носили жрецы, магистраты и юноши до 17 лет. Фасции (связка прутьев с топориком посередине) — знаки достоинства магистратов; фасции несли ликторы — почетная стража должностных лиц. Трибунал — возвышение (или кресло), которое занимал магистрат во время исполнения обязанностей.

48 Марсово поле — местность в западной части Рима; служила для народных собраний и увеселений. Курия — вообще всякое здание для собраний; в том числе — здание заседаний сената, в переносном значении — сенат.

49 Ср.: Ep. ad Luc. 8,5; 90,8; 43.

50 Царь мидян — парфянский царь. Под «азийским Атталом» разумеется царский род Атталидов, эллинистических владетелей Пергама (последний из них, Аттал III, в 133 г. до н. э. завещал свое царство Риму); имя «Аттал» стало нарицательным для обозначения богатого и надменного владыки.

51 У храма Кастора (в южной части Римского форума) располагался рынок рабов.

52 Намек на дворцовые перевороты, частые в парфянском царстве,— в данном случае, возможно, на выступление царевича Вардана против своего отца Вологеза I в 55 г. (см.: Tac. Ann. XIII, 7).

53 См.: SVF I, 216.

54 Хотя мужчины и женщины исполняют разные функции в социальной жизни (см. выше 1,1, прим. 2), они, по воззрениям стоиков, в остальном равны (SVF III, Chrys. 253—254; Sen. Ad. Macr. 16,1); поэтому речь здесь идет не о женщине «как таковой», а о женщине, не причастной к

мудрости и менее, чем мужчины, способной сдерживать себя (ср. ниже, 19,3).

[55] В обязанности номенклатора входило знать и называть хозяину имена известных граждан города, гостей, домашних рабов и названия подаваемых блюд.

[56] ...quanta voluptate implendus animus...— Voluptas (в данном случае — χάρα = gaudium) — особая «радость», свойственная только мудрецу. Лишь ему присущи три «благие страсти»: радость (в противоположность наслаждению), разумное желание или стремление (βούλησις = voluntas — в противоположность неуправляемым страстям) и благоосмотрительность (εὐλάβεια = cautio — в противоположность страху) (см.: Diog. L. VII, 116; Cic. Tusc. IV, 6,12—13; 31,66—32,68; Sen. Ep. ad Luc. 23,2; 59,2; 15—16; 72,4; 120, II). Следует отметить терминологическую некорректность Сенеки: voluptas (= ἡσονή) — у стоиков (и у Сенеки, в частности,— Ep. ad Luc. 52,9; 59,14; 90,35; 92,6; 94,8) обозначает как раз то наслаждение, которое противоположно «мудрой» радости (gaudium). См. выше, 9,3; 12,1; ниже, 17,4; 19,3.

[57] Об этом случае подробнее — De ira II, 32,2.

[58] Звезды (sidera) — божественные небесные тела (см.: Cic. De nat. deor. II, 21,54; III, 16,40). В направлении, противоположном вращению небесного свода (и неподвижных звезд), движутся пять «звезд»: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, а также Луна и Солнце (Cic. De re publ. VI, 17; De nat. deor. II, 19,49—20,53; Tusc. V, 24,69; Macrob. Comm. I, 18,1; Sen. Ad. Marc. 18,3).

[59] Добродетель мудреца помещена в астральной сфере, наиболее удаленной от грубых земных страстей и управляемой только разумом (ср. выше, 8,2—3; Diog. L. VII, 138—139; Sen. Ep. ad Luc. 59,16).

[60] См.: Diog. L. X, 144; Cic. De fin. I, 19,63; Tusc. V, 9,26.

[61] Ср.: Ep. ad Luc. 5,6; 8,5.

[62] Описывая стойкость мудреца перед лицом фортуны, Сенека часто пользуется метафорой гладиаторского боя (De provid. 3,4 sq.; De tr. an. 11,4; Ep. ad Luc. 7,3—6; 13,2—3; 30,8; 95,33).

[63] Нельзя не отметить известной двойственности в отношении Сенеки к эпикуреизму. Порой он резко подчеркивает концептуальное различие между школами (например: De otio 3,2; Ep. ad Luc. 9,2). Вместе с тем в «Письмах» сентенции Эпикура часто цитируются с одобрением. И в данном случае речь идет не столько о теории, сколько о практических предписаниях, которые частично совпадают.

[64] Ср.: Iuven. Sat. X, 50.

[65] Корнелий Фид известен лишь из данного упоминания. Гней Домиций Корбулон — способный полководец; покончил с собой в 67 г. по приказу Нерона.

[66] Ср.: Ep. ad Luc. 50,2.

[67] Ватиний, вероятно, страдал подагрой и золотухой. Плутарх (Cic. 9) сообщает, что его шея была усеяна опухолями. См. также Cic. In. Vat. 2,4; 4,10; Quint. Inst. or. VI, 3,77.

[68] Имеется в виду император Калигула (37—41). Схожее описание его внешности и нрава дает Светоний (Calig. 34—35; 50). Пример Калигулы избран не без умысла: император не скрывал своей враждебности к Сенеке (см. ib. 53).

[69] Сенатор, консул 46 г.; покончил с собой в 47 г. по приказу Клавдия. Относительно нижеследующего эпизода ср.: Suet. Calig. 36,2.

[70] В тексте Waltz'a выделено как позднейшая вставка.

[71] Кассий Херея был трибуном (одним из старших командиров) преторианской гвардии. Нижеследующее подробнее излагает Светоний (Calig. 56,2—58,3 ср. Sen. Ep. ad Luc. 4,7).

[72] Убийство произошло 24 янв. 41 г.

[73] Лицо неизвестное.

[74] Примипиляр — отставной центурион примипилов (командир первой центурии первого манипула первой когорты); центурионы были состоятельными людьми, и Калигула не упускал случая присвоить их имущество (см.: Suet. Calig. 38).

[75] «Прозвище» «Caligula» («сапожок», уменьшит. от caliga — солдатский сапог) будущему императору дали солдаты; малолетнего Гая часто обували в солдатские сапожки, чтобы привязать к нему легионеров (см.: Suet. Calig. 9; Tac. Ann. I, 41).

[76] Обувь трагических актеров; также обувь царя в трагедии (см.: Ep. ad Luc. 76,31). Намек на свойственную Калигуле роскошь восточного деспота (выше, 18,3; Suet. Calig. 52).

[77] Имеется в виду комедия Аристофана «Облака» (см.: Diog. L. II, 27—28). Об эпизоде с Ксантиппой — там же, 36—37.

[78] Антисфен Афинский (ок. 450—360 гг. до н.э.), основоположник кинизма. Нижеследующий рассказ почти в тех же словах. — Diog. L. VI, 1.

[79] В тексте — Idaea. Центром культа Кибелы считалась гора Ида во Фригии (область в западной части Малой Азии).

[80] «Обязанности» (officia) не нужно понимать здесь в широком философском смысле «надлежащего по природе» (τὰ καθήκοντα). Речь идет о государственной деятельности, о гражданских обязанностях.

[81] Ср.: Ep. ad Luc. 51,9; 75,18; 80,4—6 etc.

[82] Ср.: Ep. ad Luc. 76,34; 78,29; Plut. De tr. an. 19,476 d sq.

[83] Ср.: Ep. ad Luc. 45,9.

[84] В тексте — viri. Речь идет не просто об отличительном достоинстве человека (homo) — разуме как теоретической способности (см.: Ep. ad Luc. 76,9—10), но о практической реализации этой способности — о добродетели «доблестного мужа» в специфически-римском ее понимании.

[85] Кинико-стоическая идея человечества как всемирного государства (Diog. L. VI, 63; Cic. De fin. III, 19,64; De leg. I, 7,22—23; De nat. deor. II, 31,78—79; Plut. De Alex. M. fort. I, 6, 329 ab; Sen. De tr. an. 4,4; De otio 4,1; Ep. ad Luc. 68,2; 88,12; 95,52; Epict. Diss. I, 9,1; II, 5,26; III, 22,4; M. Aur. IV, 23; VI, 44,6 etc.) отвечала римскому культу государственности, идее «римского мира» и т. п. В этом всемирном государстве мудрецу отводится почетная роль наставника, живого образца для граждан-космополитов (Ep. ad Luc. 6,5; 11,8; 83,13; 89,13 etc.).

# О «МЕТАФИЗИЧЕСКИХ РАССУЖДЕНИЯХ» ФР. СУАРЕСА

*М. Р. Бургете*

XV—XVI века в европейской истории — рубеж двух эпох — средневековья и Нового времени. Это время ломки устоявшихся связей и отношений в экономике и политике, время крушения феодальных идеалов и формирования самосознания зарождающегося буржуазного общества. Противоречия этого периода во многом определили судьбы испанского народа на несколько столетий вперед.

Это время небывалого подъема в области культуры. Одним из самых сложных и значительных явлений культурной жизни Испании того времени является так называемая поздняя схоластика. В целом это философское течение можно охарактеризовать как попытку теоретического обоснования новых проблем социального, культурного и научного развития на основе средневекового способа философствования, как один из моментов становления